

КОМПАРАТИВИЗМ

Е.Л. Скворцова, А.Л. Луцкий

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АБЭ КОБО И МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Аннотация: В статье рассматривается проблема противостояния личности и общества в произведениях художественной литературы на примере сопоставления повести М. Булгакова «Собачье сердце» и рассказа Абэ Кобо «Тиннюся». Делается акцент на социокультурном контексте этих работ, написанных в переломные в мировоззренческом отношении эпохи, которые сопровождалась тотальным ценностным хаосом: переход к устройству социалистического уклада в СССР и «поворот» к демилитаризации и демократизации Японии после Второй мировой войны. В обоих случаях проблемы психологии и поведения людей в периоды социальных катаклизмов осмысливаются и интерпретируются Абэ и Булгаковым в художественной форме фантастической аллегии и гротеска.

Автором использован эмпирико-герменевтический метод, т.е. метод корректного описания и толкования конкретных источников, а также диалектический метод в сочетании с принципом комплементарности.

В статье впервые в истории отечественного литературоведения и японоведения сопоставлены и проанализированы работы Абэ Кобо и Михаила Булгакова с культурологической, социологической и философской точки зрения; впервые для подобного анализа привлечены зарубежные, в том числе оригинальные японские философские, социопсихологические и культурологические источники.

Ключевые слова: Булгаков, Абэ, личность, общество, Япония, японская литература, толпа, аллегория, еху, тоталитаризм, культура.

Abstract. The article is devoted to the problem of the opposition between personality and society in literature based on the example of Mikhail Bulgakov's novel 'Heart of a Dog' and Abe Kobo's short story 'Tinnyusia'. The emphasis is made on the socio-cultural environment when those works were written because they were written at critical epochs of the paradigm shift accompanied with the total chaos of values. Those were the periods of Russia's becoming socialist USSR and Japan's 'turn' to demilitarization and democratization after the Second World War. In both cases psychology and behavior of people during social cataclysms were viewed and interpreted by Abe and Bulgakov through fantastic allegory and grotesque. In their research the authors of the present article have applied the empirical-hermeneutic method, i.e. the method of the correct description and interpretation of particular sources, as well as the dialectic method combined with the complementarity principle. This article is the first one in the history of Russian literary studies and Japanese studies to compare and analyze creative work of Abe Kobo and Mikhail Bulgakov from the cultural, sociological and philosophical points of view. For the first time in the academic literature the authors have also referred to foreign philosophical, socio-psychological and cultural sources including original Japanese texts.

Keywords: totalitarianism, allegory, crowd, Bulgakov, Abe, personality, society, Japan, Japanese literature, culture.

Тема отношения личности и общества, индивидуума и массы – одна из главных философских и социологических тем в XX веке, особенно “подогретая” чередой кровопролитных социальных катаклизмов (Первая и Вторая мировые войны, Октябрьская революция в России и т.п.). Опыт непростых многоуровневых отношений

человека и общества осмысливался как на Западе (Лебон, Милль, Дюркгейм, Жувенель), так и в России (Шестов, Ильин, Бердяев), а также и в Японии (Нисида Китаро, Вацудзи Тэцуро). В художественной литературе эта проблема затронута, в частности, у Замятина («Мы»), у Оруэлла («Скотный двор», «1984»), у Хаксли («Прекрасный новый мир»).

Абэ Кобо (1924-1993) и Михаил Булгаков (1891-1940) – звёзды первой величины на литературном небосклоне своих стран, которые благодаря многочисленным переводам, стали популярными во всём мире. И тот, и другой активно использовали элементы фантастики в своём творчестве, при этом их остро волновали философские вопросы смысла человеческой жизни. Оба писателя прибегали в известном смысле к религиозному осмыслению основ бытия (Булгаков – к христианскому, Абэ – к буддийскому) и в своих книгах представили очень яркую картину противостояния личности и толпы.

Мы намерены сопоставить только два, написанных в разное время, но весьма характерных в этом плане произведения данных авторов: булгаковскую повесть «Собачье сердце» (1925) и новеллу Абэ «Захватчики, или Вторгшиеся» (яп. *Тиннюся*, 1951). Мы полагаем, что прежде всего следует сделать акцент на **социокультурном контексте** этих работ, написанных в **переломные в мировоззренческом отношении эпохи, сопровождавшиеся тотальным ценностным хаосом**: переход к устройству социалистического уклада в СССР и “поворот” к демилитаризации и буржуазной демократизации Японии после Второй мировой войны.

Как отмечают В. Логунова и Т. Григорьева, «к концу войны японская литература была фактически доведена до катастрофического состояния: этот горький урок истории не прошёл бесследно для многих японских писателей самых различных направлений» [1, с. 215]. «Для многих наступает пора крушения надежд. Появляется новое течение – “литература поворота” – отразившее пессимизм и разочарование писательской молодёжи» [1, с. 207]. Янагида Кэндзюро, ученик известного философа Нисиды Китаро, ставший после войны марксистом, так описывает послевоенные годы, годы разрухи, культурной деградации: «Казалось, будто все люди становятся всё более и более эгоистичными и всем движет только стремление к личной выгоде... Когда молодёжь узнала, что всё прошлое было основано на лжи, она потеряла всякую веру в истины человеческой жизни. В такой обстановке к нам пришла демократия из-за границы... С этого времени начались беспорядки. Люди, не стесняясь, отправляли естественные надобности прямо на платформах станций. Окна в трамваях и поездах были выбиты. Хотя и говорили о равенстве, но в действительности установился такой порядок, при котором побеждал тот, кто был сильнее. Ночью стало не-

безопасно ходить на улицах. Повсюду появились воры и всякие грязные элементы» [2, с. 110-111].

Не нуждается в напоминаниях и трагическое время русского революционного “поворота”, приведшего к глубочайшим потрясениям традиционного уклада. Тогда на арену истории выступили не только революционеры, организовавшие и направлявшие воспламенившиеся толпы народа, но и представители социального дна, ощутившие сладкий вкус вседозволенности. Атмосфера постреволюционной России перекликается с атмосферой послевоенного мировоззренческого и житейского хаоса, сопровождавшегося маргинализацией огромных масс населения в Японии. В обоих случаях проблема массовой психологии и массового поведения, “разгула демократии” осмысливается и интерпретируется и Абэ, и Булгаковым в художественной форме гротеска. Важно подчеркнуть, что писатель при создании портрета эпохи неизбежно схематизирует и упрощает сложнейшую полифонию жизни общества, представляя её в эмоционально окрашенном виде художественного образа [см.: 3]. Интересно, что философский рассказ-притча Абэ имеет в определённом смысле вселенский характер, в нём на удивление нет ничего японского, даже имена героев обозначены латинскими буквами.

Попытка пролить свет на проблему взаимоотношений личности и общества как Абэ Кобо, так и Булгаковым характеризуется полемической заострённостью и односторонностью: художественный талант писателей увлекает читателя, внушает ему мысль о деструктивной, тупой силе толпы, которой противопоставлен хрупкий интеллектуальный мир личности, в итоге разрушающийся под натиском этой силы. Однако при более внимательном анализе здесь обнаруживается некоторая упрощённость авторского взгляда, некая дихотомическая схематичность в описании противопоставления личности и толпы. «Наблюдая большинство поступков толпы, мы видим, что они чаще всего служат выражением её замечательно низкого умственного уровня» [4, с. 113], – отмечал известный французский психолог Густав Лебон (1841-1931) в своей классической работе “Психология народов и масс” (1895), посвящённой исследованию психологии больших социальных групп. «Цивилизации создавались и оберегались маленькой горстью интеллектуальной аристократии, никогда – толпой. Сила толпы направлена лишь к разрушению. Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства, – писал Лебон. – Цивилизация предполагает существование определённых правил,

дисциплину, переход от инстинктивного к рациональному, предвидения будущего, более высокую степень культуры, а это всё условия, которых толпа, предоставленная сама себе, никогда не могла осуществить» [4, с. 117].

Однако существует проблема двойственности поведения индивидуума, который вначале отталкиваясь от социума, затем приходит к потребности взаимодействия с ним, приходит к пониманию необходимости вернуться в лоно общественных связей. Отражающее это обстоятельство колеблющееся, волнообразное существование любого общественного организма находит выражение в бесконечной совокупности разнообразных отношений (*айдагара*) своих членов [см.: 5; 6; 7, с. 398]. В идеале – это отношения доверия, которых современное человечество пока не достигло. Произведения Абэ и Булгакова рисуют разрыв тонкой ткани невидимых и бесформенных социальных отношений без которой, однако, никакое общество не сможет нормально функционировать.

Мы считаем, что можно говорить о сходстве мировоззренческих позиций и художественных методов японского и русского литераторов. Оба показывают, как с применением определённых пропагандистских приёмов облегчается процесс превращения людей в оболваненное стадо, с готовностью поддающееся социальному манипулированию. Фактически, речь идёт о тоталитаризме XX века, низводящем личность до положения винтика, замятинского “нумера”, способного лишь на бездумное усвоение и повторение шаблонных истин, навязываемых сверху. (Надо отметить, что проблему социального отчуждения личности остро поставила и всесторонне рассмотрела в минувшем веке философия экзистенциализма, чьи идеи получили развитие и в художественной литературе, в том числе и в творчестве Абэ Кобо [8, с. 237-245; 9, с. 132-139]). Оба мастера демонстрируют общие приёмы изображения литературного материала: философичность, обращение к притче и аллегории, метафоричность.

«Тиннюся» входит в цикл новелл, созданных Абэ в 50-х годах прошлого века. В них прямо подчёркивается антагонистичность интересов отдельного индивида и общества в целом. Все новеллы пронизаны пафосом осуждения многочисленных обывателей, «сплочённых в толпу людей, – подчёркивает японский литературовед Такано Тосими, – ведущих чисто растительное существование» [10, с. 58]. Бездуховной толпе Абэ Кобо противопоставляет в меру одухотворённых, но обречённых и “со-

циально заброшенных” индивидуалистов-одиночек. Толпа едина в своей антидуховности, однако одновременно это единство разъедается активной и безостановочной конкуренцией «мелких людей». Как пишет Т.П. Григорьева, «мелкий, низменный человек (кит. *сяожень*), человек, пренебрегающий общими интересами во имя личных, тем самым нарушающий всеобщий порядок вещей» [11, с. 363-354]. Они озабочены удовлетворением лишь самых элементарных потребностей.

Тем не менее, эти «мелкие» люди способны быстро консолидироваться в борьбе против инакомыслия, подавляя любого индивидуалиста, взбунтовавшегося против унифицирующей *умственной серости* общества (контрастирующей, заметим, с внешними блёстками массовой культуры, создающей видимость, кажимость жизни как перманентного карнавала). Такой индивидуалист стремится всеми силами сохранить своё достоинство и своё сугубо личное пространство. Подобным индивидуалистом, вытесняемым из своего пространства (и в прямом, и в переносном смысле) предстаёт герой новеллы Абэ, в которой нарисована мрачная картина порабощения молодого горожанина компанией наглых захватчиков. Это, по характеристике Т.П. Григорьевой, «рассказ-аллегория, острая сатира на современный образ жизни, при котором человек не принадлежит самому себе. Им могут распорядиться, могут выбросить из собственной квартиры, и никому не будет до этого дела. Никому не гарантирована защита от тупости и наглости грубой силы, прикрывающейся демагогическими рассуждениями о демократии. На самом деле – всё то же насилие над личностью» [12, с. 207].

Однажды ночью в комнату К., героя новеллы, вторгается странное агрессивное семейство, включающее некоего господина, его мать, жену и детей: двух взрослых парней, девушку, мальчика с девочкой и младенца. Прибегая сначала к уговорам, а потом и к прямому насилию, гости обирают К., заставляют его прислуживать себе, затем и вовсе выселяют из жилища, даже лишают его возможности встретиться с возлюбленной. И притом постоянно контролируют каждый шаг несчастного, осуществляя за ним тщательный надзор, от которого нельзя никуда укрыться. Подобная ситуация, описанная Абэ, вызывает в памяти некоторую аналогию с ситуацией из романа «1984» английского писателя Дж. Оруэлла (1903-1950), где за каждым персонажем осуществляется неусыпный контроль со стороны “большого брата” – тоталитарного государства.

При этом отметим, что, по нашему глубокому убеждению, источником любого тоталитаризма является не что иное, как воля народа.

Совершенно невероятное с точки зрения любого нормального человека событие – появление в доме целой группы неизвестно откуда взявшихся хамов при полном попустительстве хозяев дома и местных властей – не могло, разумеется, произойти в условиях спокойного налаженного быта в процветающей стране. Однако в литературном произведении, отражающем обстановку японского послевоенного хаоса, разрухи в головах, кризиса традиционных ценностей и господства нигилистических настроений [см.: 13, р. 714-732] оно уже не кажется невероятным. Такое событие вполне может произойти в жизни обычного японского слабохарактерного интеллигента, получившего социопсихическую травму в контексте происходивших тогда в Японии событий. Эта травма вызвана страхом перед набиравшим в стране силу коммунистическим движением, которое не будет считаться с правом на частную жизнь – с одной стороны, и перед западным разнузданным и жестоким либерализмом, меряющем всё только деньгами – с другой. В жуткой фантазии Абэ эти страхи причудливым образом совмещаются. Такое ощущение беспомощности в условиях ценностного хаоса и превалирования настроений общественных “низов” стало в те годы довольно распространённой чертой традиционной японской психологии. Социопсихолог Минами Хироси определил её как «частичный иррационализм» [14, р. 123].

Глава семейки захватчиков, витийствующий циник, оправдывая свои действия, пространно рассуждает о демократии, настаивает на беспрекословном подчинении “воле большинства” и даже рядится в одежды антифашиста, обличая К. как фашиствующего индивидуалиста. Заметим, что в Японии 30-х годов такие как К. подвергались осуждению за свой космополитизм и нежелание разделить общий националистический энтузиазм. Члены семьи “пришельцев”-тиннюся – аллегорические фигуры, олицетворяющие те социальные типы или слои тоталитарного государства, целью которого является обращение собственных подданных в агрессивную толпу, всегда берущую сторону сильного и безропотно выполняющую любые указания свыше.

Пришельцы, ратующие за всеобщую уравниловку, вторгаются и к профессору-медику Филиппу Филипповичу Преображенскому, герою булга-

ковского «Собачьего сердца», события которого происходят в постреволюционный период. Тогда Россия оказалась перед драматическими вызовами истории на мировой арене, а внутри страны остро встала проблема культурной оторванности прежних элит от огромной неграмотной массы народа. Одной из форм ликвидации цивилизационного разрыва между этими группами было “уплотнение” – совместное проживание на ограниченной площади коммунальных квартир. Здесь Булгаков занял интеллигентскую позицию высокомерного презрения к народным массам, в частности, к нищему духом и культурой пролетариату, игравшему роль гегемона в тогдашней России. Возглавляемые председателем домкома Швондером представители освобождённого от прежнего классового угнетения пролетариата пытаются, апеллируя к социальной справедливости, отобрать у учёного одну из занимаемых им комнат: «Общее собрание, рассмотрев ваш вопрос, пришло к заключению, что в общем и целом вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную. Вы один живёте в семи комнатах. – Я один живу и работаю в семи комнатах, – ответил Филипп Филиппович, – и желал бы иметь восьмую. Она мне необходима под библиотеку. Четверо онемели. – Восьмую? Э-хе-хе, – проговорил блондин, лишённый головного убора, однако, это здо-о-рово. – Это неописуемо! – воскликнул юноша» [15, с. 471-472]. Особую ярость пришельцев вызывают, как видим, интеллектуальные интенции профессора, пожелавшего иметь отдельную комнату под библиотеку.

Большевики, как известно, поставили перед собой грандиозные задачи по приобщению огромных неграмотных масс трудового народа к мировой культуре, и прежде всего – к грамоте. Массы были отлучены от самой элементарной, бытовой культуры. Будучи выбитыми из традиционного уклада привычной жизненной колеи и ошалев от предоставленных возможностей, они повели себя как победители в завоёванной стране. Вчерашние деревенские мужики и бабы не отличались особой опрятностью и считали классовыми врагами не сморкавшихся себе под ноги чистюль-интеллигентов. Таким врагом видит профессора Преображенского Швондер, главный организатор процедуры уплотнения профессора за счёт водворения на его площади “классово близкого” трудящимся Шарикова.

Этот персонаж, как известно читателям «Собачьего сердца», – человек, созданный профессором

Преображенским из прооперированной собаки. К подобному же стремится глава “захватчиков” у Абэ: «Вот я изучаю возможность обучения собак речи <...> В основу я положил учение Павлова, открывшего физиологический механизм речи. При помощи гипноза я воздействую на мозговую кору собаки и таким образом добиваюсь эмпирического возбуждения речевого центра <...> Завершение моего исследования *принесёт большие перемены во всём общественном укладе*» [16, с. 124] (курсив наш – А.Л., Е.С.). Можно констатировать любопытное сходство образного ряда у Абэ и Булгакова, а главу захватчиков считать японским “профессором Преображенским”.

Сами члены семейства “оккупантов” у Абэ вполне под стать Шарикову – они столь же наглы, тупы, невежественны и обладают столь же животной натурой. Мы можем провести параллель: с одной стороны – семейка агрессоров во главе с “демократом”, который увлечён идеей обучения собак речи, а с другой стороны – Шариков, уже овладевшая речью собака, с представителем власти Швондером, его духовным руководителем.Заметим, агрессивность свойственна и людям, и животным, но агрессивность как реакция на угрозу жизненным интересам является необходимым фактором выживания индивида и вида, биологической адаптивной реакцией. «Другой вид, – подчёркивает известный немецко-американский психолог и социолог Эрих Фромм (1900-1980), – *злокачественная агрессивность* (или деструктивность) – черта специфически человеческая и не встречается в животном мире. Она не является биологически адаптивной и не направлена на удовлетворение непосредственных жизненных потребностей» [17, с. 108]. Как раз злокачественная агрессивность и свойственна отрицательным героям Абэ и Булгакова.

Можно провести ещё одну параллель и продемонстрировать глубинное родство этих героев, призвав на помощь великого сатирика Джонатана Свифта (1667-1745). В его «Путешествиях Гулливера» (1726), гротескно осмеивающих политическое состояние и социальную организацию тогдашней Великобритании, выведены примечательные персонажи – еху, полулюди, ведущие стадный образ жизни и ориентированные на удовлетворение насущных животных потребностей. Характеризуя природные качества еху, Свифт отмечает: «При всех свойственных им задатках хитрости и большом предрасположении к злобе, они поддаются обучению хуже всех других животных» [18, с. 15]. То есть,

человек-животное, вроде Шарикова, хуже, чем просто животное, что успешно показал Шариков, превратившись из добродушного пса в злобного мутанта, своего рода еху.

Животные черты в человеке приобретают ту очеловеченную порочность, то негативное содержание, которое отсутствует в естественной природе зверей. Люди лишены инстинктивных поведенческих регуляторов, лишены бесхитростности животной психики, определяющей и упорядочивающей ритм и способ жизнедеятельности стада. В отличие от очеловеченных животных-шариковых и скотообразных еху, природные животные не способны, например, на сознательную подлость по отношению к себе подобным.

Получается, что Шарикова-еху можно рассматривать и как ущербного человека, лишённого цивилизованности и гуманизма, и как ущербное животное, утратившее звериную естественность. При этом они не являются неотъемлемой частью природы, подобно остальным представителям животного мира, но противостоят ей. Отсюда – неизбежная антиэкологичность шариковых-еху, они обязательно будут разрушителями, поскольку лишились опеки матери-природы, выступающей для всех животных мудрым поводырём.

Опасность доминирования черт еху в людях подстерегала человечество на протяжении всей истории. Ещё в 1726 г. Свифт сокрушался: «Ведь что касается еху, то очевидно, что даже в нашем городе их существуют тысячи, и они отличаются от своих братьев из Гуингмии только тем, что обладают способностью к бессвязному лепету и не ходят голыми» [18, с. 15]. Гениальный ирландец усматривал свойства еху у большинства своих современников и весьма пессимистически оценивал шансы человечества на избавление от этих свойств, присущих в известной степени даже его персонажу-человеку: «Некоторые пороки, свойственные моей натуре еху, ожили во мне благодаря совершенно неизбежному для меня общению с немногими представителями вашей породы, – признаётся герой, – особенно с членами моей семьи. Иначе я бы никогда не предпринял нелепой затеи реформировать породу еху в нашем королевстве. Но теперь я навсегда покончил с этими химерическими планами» [18, с. 15].

Еху (описывая о еху, мы ведём речь не о художественном персонаже, а о человеческом типе, получившем название по имени этого персонажа) – потребители материальных благ. В отличие от духовных ценностей, количество последних на

Земле ограничено. Поэтому *еху* постоянно испытывают неудовлетворённость, ненасытность вещами; отсюда их вечная забота и вечная борьба за обладание всем сущим. Говоря словами Э. Фромма, главное для *еху* – *иметь, а не быть*. Кредо *еху*: «чем больше я *имею*, тем больше я *существую*. Я чувствую неприязнь и враждебность ко всем остальным людям. <...> Я никогда не бываю и не могу быть довольным, ибо моим желаниям нет конца; я вынужден завидовать тем, кто богаче меня, и бояться тех, кто беднее меня» [19, с. 16; см. также: 20]. Более того, *еху* умудряются “материализовать” духовное, опошлить его, низвести до собственного уровня, а затем потребить. Разрушительная активность *еху* (которые, заметим, очень часто просачиваются в ряды революционеров, регулярно разрушающих “мир насилия”) проистекает от неразрешимости постоянно терзающего их противоречия между их безграничной ненасытностью – ведь материальные желания способны принимать сколь угодно изощрённые, бесконечно разнообразные формы – и ограниченностью имеющихся во владении *еху* материальных ресурсов.

Не зря Свифт был скептиком. Двести лет спустя в другую эпоху, в другой стране, России, другой писатель – Булгаков продемонстрировал живучесть персонажей, по сути своей напоминающих *еху*. Омерзительных героев «Путешествий Гулливера» сменили не менее омерзительные героини «Собачьего сердца». При этом Булгаков произвёл метаморфозу, зеркальную Свифтовой – взамен одичавших людей перед читателем предстало очеловеченное животное – бывший пёс. И хотя личность “новоявленного *еху*” в конце концов уничтожают, вернув объект эксперимента в прежнее, собачье, состояние, гарантии невозникновения новых “героев”, подобных *еху*, Булгаков не даёт. Скорее наоборот, есть очень большая вероятность их возрождения.

Обратим внимание на то, что *еху* неслучайно становятся революционерами, зачастую составляя их большинство. *Еху* по душе всякое разрушение, а каждая революция есть, по сути, разрушение. Временная дистанция позволяет нам узнать судьбу многих преобразователей-*еху*, уничтоживших прежнюю культуру: они бесславно закончили свою жизнь, пав жертвами репрессий.

Вернёмся, однако, к сюжету «Тиннюся». Попав в неумолимые объятия семейки пришельцев, К. предпринимает ряд попыток освобождения от её тиранической власти. Сначала герой обращается к управляющему дома, в котором снимает кварти-

ру. Однако управляющему *наплевать на всё, кроме денег*: «Кто платит – тому и сдаю, остальное не моё дело». Потерпев неудачу с управляющим, К. бросается в полицейский участок, но и там наталкивается на стену непроницаемого равнодушия. Такими историями мы сыты по горло, заявляют слуги закона. Ничем не может помочь герою и адвокат. Бедняга присяжный сам оказался в аналогичном положении в плену у другой компании “захватчиков”.

В полном отчаянии К. прибегает к последнему средству – пишет и расклеивает листовки-воззвания против “пришельцев”. Приводим текст этого воззвания: «Все люди разума и совести! К вам обращается один из ваших братьев, подвергшийся странному нападению. Моё жилище незаконно захвачено неизвестным мне семейством. Более того, всё в моей жизни попрано. Я лишился элементарной свободы, нахожусь на пороге голодной смерти. Вдобавок я ещё должен содержать их. *Свои бесчинства они прикрывают красивыми фразами о большинстве*. Опираясь на большинство, они узаконивают насилие (что, по нашему мнению, свойственно любой демократии). Господа! Подобная безнаказанность приведёт общество к краху. Дело не только во мне. Завтра такая же участь может постигнуть вас» (курсив наш – А.Л., Е.С.) [16, с. 130].

Однако и эта мера, выражающая крайнюю степень отчаяния индивидуума, ни к чему не приводит. Сардонически усмехаясь, глава семьи “оккупантов” рисует К. картины своего будущего союза с управляющим (выступающим символом государственного аппарата) и жильцами (символизирующими всё население страны). Стратегия велеречивого демагога и насильника, прикрывающего свой шкурный интерес якобы демократическими идеями, весьма незатейлива: заручившись поддержкой жаждущего лишь денег управляющего отвоёвывать себе новую жилплощадь при полной поддержке окружающих (молчаливого большинства), с готовностью принимающих любые бесчинства, только бы их самих оставили в покое. Японский писатель рисует вечно актуальную картину общественного подавления интеллектуально развитого, но *слабого духом* индивидуума в атмосфере равнодушного безразличия со стороны многочисленных обывателей. Как указывает в этой связи В.А. Гришина, «“слабый” – человек, который никак не может освоиться в обществе или в среде, приспособиться к существующим порядкам. За что он ни берётся, результат обычно нулевой или ничтожный. Всё у него идёт вкривь и

вкость. “Слабый” неизбежно оказывается аутсайдером, “посторонним” в обществе» [21, с. 225].

Оригинальную позицию в условиях ценностно-го хаоса послевоенной Японии занял писатель-националист, певец мужественного сверхчеловека-самурая Мисима Юкио (наст. имя Хираока Кимитакэ, 1925-1970), чьи произведения проникнуты духом ницшеанско-буддийского эстетизма. В самом известном романе Мисимы «Кинкакудзи» (Золотой храм, 1956) звучит индивидуалистический вызов всей системе общепринятых нравственных ценностей и «поэтизация ущербной психики как своего рода избранности» [22, с. 59]. Мисима сам явил пример такой ущербной психики как нормы. «Вскоре после войны я дебютировал как писатель, – вспоминал он. – Я оказался в водовороте новых литературных течений новой эпохи. Но идеи того, что называется “послевоенной литературой”, не находили во мне никакого отклика, ни интеллектуального, ни профессионального... Я чувствовал, что моя позиция – это позиция одиночки... Мне нужна была книга, которая стала бы поддержкой для меня в моей позиции одиночки. И более того, это должна была быть книга, отвергнутая современным обществом. Хагакурэ («Хагакурэ» – главный трактат из кодекса самурайской чести «Бусидо» – Е.С., А.Л.) отвечала этим требованиям» [23, р. 5-6]. Взяв за образец самурайскую этику, Мисима обратился к проповеди культа красоты аскетичной силы. И в собственной жизни он стремился к воплощению облагораживающей красоты духа и тела. Но духовная перестройка, обернувшись в итоге деструкцией красоты мира под воздействием отчаянного протеста против бессмыслицы человеческого существования. А перестройка телесная (Мисима занялся бодибилдингом и занял первое место на общеяпонском конкурсе) завершилась его самоубийством.

Получится ли у современных индивидуалистов-одиночек успешно противостоять общественному диктату? Получится ли сохранить аутентичность своего “Я” среди царства победившей пошлости толпы, заполнившей собою жизненное – материальное и духовное – пространство во всех уголках земного шара? Ответы на эти вопросы мы не сможем получить ни у Абэ, ни у Булгакова. Современная «цивилизация, – с горечью констатировал Лебон, – теряет свою прочность и оказывается во власти всех случайностей. Властвует чернь и выступают варвары. Цивилизация ещё может казаться блестящей, потому что сохранился ещё внешний фасад её здания, созданный долгим прошлым, но в действительности здание уже подточено, его ничто не поддерживает, и оно рухнет с первой же угрозой» [4, с. 236].

Герой Абэ – обычный средний человек, обыватель, избравший для себя путь индивидуального эскапизма. Однако как ни пытается этот герой укрыться в своей скорлупе, он неизбежно попадает под жернова общественной тирании, которых не удастся избежать никому. Во времена Абэ Кобо очень популярной была книга Дж.Ст. Милля «Принципы свободы» (в русском переводе – «О свободе»). «Тирания власти, – пишет Милль, – опасна. Тирания общества – ещё опаснее, она проникает в детали жизни гораздо глубже и поработачивает душу. Сперва тирании большинства опасались (и до сих пор опасаются) главным образом, когда она проявляется в действиях властей. Но мыслящие люди поняли, что общество само по себе тирания, тирания коллектива над отдельными личностями, и возможность угнетать не ограничивается действиями чиновников» (курсив наш – А.Л., Е.С.) [24, с. 10-11]. Что и демонстрируют в своём творчестве русский и японский писатели.

Список литературы:

1. Григорьева Т.П., Логунова В.В. Японская литература. М.: Наука, 1964.
2. Янагида Кэндзюро. Эволюция моего мировоззрения. М.: Политиздат, 1957.
3. Любимов Ю.В. Полиэтническое пространство. М.: ИВРАН, 2011.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2012.
5. Вацудзи Тэцуро. Ринригаку (Этика) // Дзэнсю. Полн. собр. соч. Т. 10. Токио: Иванами сэтэн, 1962.
6. Абэ Кобо. Вторжение (Тиннюся) // Новеллы японских писателей. М.: Наука, 1968.
7. Карелова Л.Б. Модели личности в японской мысли XX века в контексте проблемы “я” – “другой” // Историко-философский ежегодник. 2010. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2011.
8. Луцкий А.Л. К проблеме экзистенциализма в японской художественной литературе // Теоретические проблемы литератур Дальнего Востока. М.: Наука, 1986.
9. Скворцова Е.Л., Луцкий А.Л. К проблеме восприятия западной философии в Японии // Вопросы философии. 1985. № 10.
10. Такано Тосими. Абэ Кобо-рон (О творчестве Абэ Кобо). Токио: Иванами сэтэн, 1971.

11. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979.
12. Григорьева Т.П. Японская литература XX века. М.: Художественная литература, 1983.
13. Nishitani Keiji. The Meaning of Nihilism for Japan // Japanese Philosophy. A Sourcebook. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2011.
14. Minami Hiroshi. Psychology of the Japanese People. Tokyo: Tokyo Daigaku, 1971.
15. Булгаков М. А. Собачье сердце // Избранные произведения в двух томах. Т. 1. Киев: Дніпро, 1989.
16. Абэ Кобо. Вторжение (Тиннюся) // Новеллы японских писателей. М.: Наука, 1968.
17. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности // Идеологическая борьба и современная буржуазная философия. М.: ИНИОН РАН СССР, 1989.
18. Свифт Дж. Путешествия Гулливера // Избранное. Л.: Художественная литература, 1987.
19. Фромм Э. "Иметь" или "быть". М.: Астрель, 2012.
20. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
21. Гришина В.А. О некоторых тенденциях развития японской литературы сер. 50-60 годов XX века (творчество "новых левых") // Япония: культура и общество в эпоху НТР. М.: Наука, 1981.
22. Гришелёва Л.Д., Чегодарь Н.Н. Культура послевоенной Японии. М.: Наука, 1981.
23. Yukio Mishima. The Samurai Ethic and Modern Japan. Tokyo: Ch.E. Tuttle, 1993.
24. Милль Дж.Ст. О свободе // Наука и жизнь. 1993. № 11.

References (transliteration):

1. Grigor'eva T.P., Logunova V.V. Yaponskaya literatura. M.: Nauka, 1964.
2. Yanagida Kendzyuro. Evolyutsiya moego mirovozzreniya. M.: Politizdat, 1957.
3. Lyubimov Yu.V. Polietnicheskoe prostranstvo. M.: IVRAN, 2011.
4. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. M.: Akademicheskii proekt, 2012.
5. Vatsudzi Tetsuro. Rinrigaku (Etika) // Dzensyu. Poln. sobr. soch. T. 10. Tokio: Ivanami seten, 1962.
6. Abe Kobo. Vtorzhenie (Tinnyusya) // Novelly yaponskikh pisatelei. M.: Nauka, 1968.
7. Karelova L.B. Modeli lichnosti v yaponskoi mysli KhKh veka v kontekste problemy "ya" – "drugoi" // Istoriko-filosofskii ezhegodnik. 2010. M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2011.
8. Lutskii A.L. K probleme ekzistentsializma v yaponskoi khudozhestvennoi literature // Teoreticheskie problemy literatur Dal'nego Vostoka. M.: Nauka, 1986.
9. Skvortsova E.L., Lutskii A.L. K probleme vospriyatiya zapadnoi filosofii v Yaponii // Voprosy filosofii. 1985. № 10.
10. Takano Tosimi. Abe Kobo-ron (O tvorchestve Abe Kobo). Tokio: Ivanami seten, 1971.
11. Grigor'eva T.P. Yaponskaya khudozhestvennaya traditsiya. M.: Nauka, 1979.
12. Grigor'eva T.P. Yaponskaya literatura XX veka. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1983.
13. Nishitani Keiji. The Meaning of Nihilism for Japan // Japanese Philosophy. A Sourcebook. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2011.
14. Minami Hiroshi. Psychology of the Japanese People. Tokyo: Tokyo Daigaku, 1971.
15. Bulgakov M. A. Sobach'e serdtse // Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh. T. 1. Kiev: Dnipro, 1989.
16. Abe Kobo. Vtorzhenie (Tinnyusya) // Novelly yaponskikh pisatelei. M.: Nauka, 1968.
17. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti // Ideologicheskaya bor'ba i sovremennaya burzhuaznaya filosofiya. M.: INION RAN SSSR, 1989.
18. Swift Dzh. Puteshestviya Gullivera // Izbrannoe. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1987.
19. Fromm E. "Imet'" ili "byt'". M.: Astrel', 2012.
20. Fromm E. Dusha cheloveka. M.: Respublika, 1992.
21. Grishina V.A. O nekotorykh tendentsiyakh razvitiya yaponskoi literatury ser. 50-60 godov XX veka (tvorchestvo "novykh levyykh") // Yaponiya: kul'tura i obshchestvo v epokhu NTR. M.: Nauka, 1981.
22. Grisheleva L.D., Chegodar' N.N. Kul'tura poslevoennoi Yaponii. M.: Nauka, 1981.
23. Yukio Mishima. The Samurai Ethic and Modern Japan. Tokyo: Ch.E. Tuttle, 1993.
24. Mill' Dzh.St. O svobode // Nauka i zhizn'. 1993. № 11.